

С. М. Соловьёв

**История России с
древнейших времен. Том 8**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С. М. Соловьёв
С11 История России с древнейших времен. Том 8 / С. М. Соловьёв – М.: Книга по Требованию, 2021. – 270 с.

ISBN 978-5-4241-1708-4

"История России с древнейших времен", созданная знаменитым историком Сергеем Михайловичем Соловьёвым (1820-1879), не имеет себе равных в отечественной науке. Этот труд стал невиданным событием в российском обществе, явлением истинно мирового масштаба. На создание этого колоссального произведения ученый затратил долгих 30 лет неустанной ежедневной работы. И до сих пор никто не смог затмить славы С. М. Соловьёва, никто не сумел повторить его гражданский подвиг: так тщательно, детально, подробно изучить события отечественной истории, а главное, показать их внутреннюю логику и связь, их причины и следствия, так ясно изложить факты, так подробно исследовать явления российской жизни. И пусть страницы этой книги шаг за шагом ведут читателя по пути, когда-то начертанному для себя ее автором: "Выучиться самому, чтобы дать средство другим знать основательно свою историю"

ISBN 978-5-4241-1708-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© С. М. Соловьёв, 2021

Соловьев Сергей Михайлович
История России с древнейших
времен (Том 8)

Сергей Михайлович СОЛОВЬЕВ
ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ТОМ 8

Глава 1

ЦАРСТВОВАНИЕ БОРИСА ГОДУНОВА

Избрание Годунова. - Неофициальные известия об этом избрании. - Въезд нового царя в Москву. - Подкрестная запись. - Слух о нашествии хана. - Борис выводит войско за Москву. - Торжество без подвига. - Меры для утверждения Бориса на престоле. - Царское венчание Бориса. - Милости. - Благоприятные отношения к соседям. - Посольство Льва Сапеги в Москву. - Посольство Салтыкова в Литву. - Сношения Годунова с ливонскими недовольными. - Вызов шведского принца Густава в Россию. - Датский принц Иоанн, жених царевны Ксении; его смерть. - Сношения с Австрией, Англией, городами Ганзейскими, Италией, Крымом. - Неудачи русских за Кавказом. - Успехи за Уральскими горами. - Внутренние распоряжения Бориса.

Русь древняя, Киевская, жила обычаем: по старому обычаю великое княжение принадлежало старшему в целом роде; Русь новая, Северная, пошла против этого обычая; обычай потерял силу, но до закона о престолонаследии юное государство еще не доросло; вся власть собралась в руках единовластителей, и вот Иоанн III объявил: "Разве я не волен в своем внуке и в своих детях? Кому хочу, тому и дам княжество". Этой воли не оспаривал никто и у правнука Иоаннова, Феодора, в знаменитый 1598 год.

Никогда еще для Московского государства завещание, последняя воля царя, не имело такого важного значения, как при смерти Феодора Иоанновича, сходящего в могилу беспотомственно. На кого указал царь и указанием этим освободил народ от многотрудного дела избрания? Но Феодор умер, как жил: и в последние минуты жизни, как во все продолжение ее, он, избывая мирской суеты и докуки, не решил великого вопроса, предложенного ему патриархом и боярами: "Кому царство, нас, сирот, и свою царицу приказываешь?" Тихим голосом отвечал на это Феодор: "Во всем царстве и в вас волен бог: как ему угодно, так и будет; и в царице моей бог волен, как ей жить, и об этом у нас улажено". Патриарх Иов в житии Феодора говорит, что царь вручил скипетр супруге своей; но в других памятниках, заслуживающих в этом отношении большего доверия, в избирательных грамотах Годунова и Михаила Феодоровича, сказано: "После себя великий государь оставил свою благоверную великую государыню Ирину Федоровну на всех своих великих государствах". Но понятно, как велика разница между выражениями "вручить скипетр" и "оставить после себя на престоле". Действительно, по смерти Феодора оставалась особа, к нему самая близкая, носившая царский титул, Ирина, и ей поспешили присягнуть, чтоб избежать междоусобия. Но Ирина отказалась от престола, объявив желание постричься; патриарх с боярами и народом били ей челом, чтоб не оставила их, сирот, до конца была бы на государстве, а править велела брату своему Борису Федоровичу, как было при покойном царе. Много раз били об этом челом Ирине, но она не согласилась и в девятый день по кончине мужа выехала из дворца в Новодевичий монастырь, где и постриглась под именем Александры.

Во главе правления должен был стать патриарх, как первое лицо в государстве после царя. О том, как решались дела в это время, всего лучше может дать нам

понятие следующее местническое дело: "Писал государыне царице иноке Александре Федоровне из Смоленска князь Трубецкой на князя Голицына, что тот никаких дел с ним не делает, думая, что ему меньше его, Трубецкого, быть невместно. По царицыну указу бояре, князь Федор Иванович Мстиславский с товарищами, сказывали о том патриарху Иову, и по царицыну указу писал патриарх Иов к Голицыну, чтоб он всякие дела делал с Трубецким, а не станет делать, то патриарх Иов со всем собором и со всеми боярами приговорили послать его Трубецкому головою".

Итак, несмотря на то что Ирина заключилась в монастыре, дела производились по ее указу; по ее указу бояре сказывают патриарху о деле, патриарх с собором и боярами приговаривает и пишет об исполнении приговоров. И в деле царского избрания, следовательно, патриарху принадлежал первый голос, за ним оставалось самое сильное влияние, и патриарх старался закрепить за собою право на это влияние в сознании современников: "Благодатию св. духа, - писал он, - имеем мы власть, как апостольские ученики, сошедшись собором, поставлять своему отечеству пастыря и учителя и царя достойно, кого бог избрал".

Кого же должно было избрать в цари достойно, по мнению патриарха Иова? После он сам говорил: "Когда был я на коломенской епископии и на ростовской архиепископии, и на степени патриаршеской, не могу и пересказать превеликой к себе, смиренному, милости от Бориса Федоровича".

За Годунова был патриарх, всем ему обязанный, патриарх, стоявший во главе управления; за Годунова было долготелее пользование царскою властью при Феодоре, доставлявшее ему обширные средства: везде - в Думе, в приказах, в областном управлении - были люди, всем ему обязанные, которые могли все потерять, если правитель не сделается царем; пользование царскою властью при Феодоре доставило Годунову и его родственникам огромные богатства, также могущественное средство приобретать доброжелателей; за Годунова было то, что сестра его, хотя заключившаяся в монастыре, признавалась царицею правительствующею и все делалось по ее указу: кто же мимо родного брата мог взять скипетр из рук ее? Наконец, для большинства, и большинства огромного, царствование Феодора было временем счастливым, временем отдохновения после бед царствования предшествовавшего, а всем было известно, что правил государством при Феодоре Годунов.

Многое было за Годунова, но есть известия, что сильны были и препятствия, сильны были враги. Патриарх Иов говорит: "В большую печаль впал я о преставлении сына моего, царя Феодора Ивановича; тут претерпел я всякое озлобление, клеветы, укоризны; много слез пролил я тогда". Кто же были эти люди, которые мешали патриарху в его стремлении доставить престол Годунову, осыпали его клеветами, укоризнами, заставляли проливать много слез? Летопись указывает на одних князей Шуйских; но, конечно, Шуйские по значению своему стояли только на первом плане: от одних Шуйских Иову не пришлось бы много плакать. Послушаем сначала, что говорят памятники официальные. Когда Ирина заключилась в монастыре, то дьяк Василий Щелкалов вышел к собравшемуся в Кремле народу и требовал присяги на имя Думы боярской, но получил в ответ: "Не знаем ни князей, ни бояр, знаем только царицу". Когда же дьяк объявил, что царица в монастыре, то раздались голоса: "Да здравствует Борис Федорович!" Патриарх с духовенством, боярами и гражданами московскими отправились в

Новодевичий монастырь просить царицу благословить брата на престол, потому что при покойном царе "он же правил и все содержал милосердным своим премудрым правительством по вашему царскому приказу". Просили и самого Годунова принять царство. Борис отвечал: "Мне никогда и на ум не приходило о царстве; как мне помыслить на такую высоту, на престол такого великого государя, моего пресветлого царя? Теперь бы нам промышлять о том, как устроить праведную и беспорочную душу пресветлого государя моего, царя Феодора Ивановича, о государстве же и о земских всяких делах промышлять тебе, государю моему, отцу, святейшему Иову патриарху, и с тобою боярам. А если моя работа где пригодится, то я за святые божие церкви, за одну пядь Московского государства, за все православное христианство и за грудных младенцев рад кровь свою пролить и голову положить". После этого патриарх много раз наедине упрасивал Годунова, и, как видно, вследствие этих тайных совещаний, Иов отложил дело до тех пор, пока исполнится сорок дней по Феодоре и пока съедутся в Москву все духовные лица, которые на великих соборах бывають, весь царский синклит всяких чинов, служивые и всякие люди. По иностранным известиям, Борис прямо требовал созвания государственных чинов, т. е. от каждого города по восьми и десяти человек, дабы весь народ решил единодушно, кого должно возвести на престол.

Итак, с достоверностию можно положить, что Годунов не хотел принять короны до приезда выборных из областей и всех лиц, которые на соборах бывають, советных людей, как тогда выражались, хотел быть избран земским собором. Понятно, что в этом только выборе всею землей он мог видеть полное ручательство за будущую крепость свою и потомства своего на престоле. Иностранцы и свои говорят о средствах, употребленных Борисом и сестрою его для привлечения народа на свою сторону: царица призывала к себе тайно сотников и пятидесятников стрелецких, деньгами и льстивыми обещаниями склоняла их убеждать войско и горожан, чтобы не выбирали на царство никого, кроме Бориса. Правитель приобретал приверженцев с помощью монахов, разосланных из всех монастырей в разные города, с помощью вдов и сирот, благодарных ему за решение своих продолжительных тяжб, с помощью людей знатных, которых он снабжал деньгами, обещая дать и больше, когда будет избран в государи. На соборе должны были участвовать 474 человека, из них: 99 духовных лиц, которые не могли противоречить патриарху, да и сами по себе были за Годунова; 272 человека бояр, окольных, придворных чинов, дворян, дяков; у Годунова была партия и между боярами тем легче было ему приобрести большинство между второстепенными лицами; выборных из городов было 33 человека только; затем было семь голов стрелецких, 22 гостя, 5 старост гостиных сотен и 16 сотников черных сотен. Все дело решалось, значит, духовенством и дворянством второстепенным, которые были давно за Годунова или смотрели на патриарха как на верховный авторитет; люди неслужилого сословия составляли ничтожное меньшинство; в выборе из городов видим также людей служилых.

17 февраля, в пятницу перед масляницей, открылся собор; патриарх начал речь, объявил, что по смерти Феодора предложено было царство Ирине; когда та не согласилась, просили ее благословить брата, просили и самого Годунова; когда и он не согласился, отложили дело на 40 дней, до приезда выборных: "Теперь, - продолжал Иов, - вы бы о том великом деле нам и всему освященному собору

мысль свою объявили и совет дали: кому на великом преславном государстве государем быть?" И, не дожидаясь ответа, продолжал: "А у меня, Иова патриарха, у митрополитов, архиепископов, епископов, архимандритов, игуменов и у всего освященного вселенского собора, у бояр, дворян, приказных и служилых, у всяких людей, у гостей и всех православных христиан, которые были на Москве, мысль и совет всех единодушно, что нам, мимо государя Бориса Федоровича, иного государя никого не искать и не хотеть". Тогда советные люди громко и как бы одними устами сказали: "Наш совет и желание одинаково с твоими, отца нашего, всего освященного собора, бояр, дворян и всех православных христиан, что неотложно бить челом государю Борису Федоровичу и, кроме его, на государство никого не искать". После этого началось на соборе исчисление прав Бориса на престол: Царь Иван Васильевич женил сына своего, царевича Феодора, на Ирине Федоровне Годуновой, и взяли ее, государыню, в свои царские палаты семи лет, и воспитывалась она в царских палатах до брака; Борис Федорович также при светлых царских очах был безотступно еще с несовершеннолетнего возраста, и от премудрого царского разума царственным чинам и достоянию навывк. По смерти царевича Ивана Ивановича великий государь Борису Федоровичу говорил: божиими судьбами, а по моему греху, царевича не стало, и я в своей кручине не чаю себе долгого живота; так полагаю сына своего царевича Феодора и богом данную мне дочь царицу Ирину на бога, пречистую богородицу, великих чудотворцев и на тебя, Бориса; ты бы об их здоровье радел и ими промышлял; какова мне дочь царица Ирина, таков мне ты, Борис, в нашей милости ты все равно, как сын. На смертном одре царь Иван Васильевич, представляя в свидетельство духовника своего, архимандрита Феодосия, говорил Борису Федоровичу: тебе приказываю сына своего Феодора и дочь Ирину, соблюди их от всяких зол. Когда царь Феодор Иванович принял державу Российского царства, тогда Борис Федорович, помня приказ царя Ивана Васильевича, государское здоровье хранил, как зеницу ока, о царе Феодоре и царице Ирине попечение великое имел, государство их отовсюду оберегал с великим радением и попечением многим, своим премудрым разумом и бодро-опасным содержательством учинил их царскому имени во всем великую честь и похвалу, а великим их государствам многое пространство и расширение, окрестных прегордых царей послушными сотворил, победил прегордого царя крымского и непослушника короля шведского под государеву высокую десницу привел, города, которые были за Шведским королевством, взял; к нему, царскому шурина, цесарь христианский, салтан турецкий, шах персидский и короли из многих государств послов своих присылали со мною честью; все Российское царство он в тишине устроил, воинский чин в призрании и во многой милости, в строении учинил, все православное христианство в покое и тишине, бедных вдов и сирот в крепком заступлении, всем повинным пощада и неоскудные реки милосердия изливались, святая наша вера сияет во вселенной выше всех, как под небесем пресветлое солнце, и славно было государеву и государынино имя от моря и до моря, от рек и до конец вселенной". В субботу 18 числа и в воскресенье 19 в Успенском соборе торжественно служили молебны, чтобы господь бог даровал православному христианству по его прошению государя царя Бориса Федоровича. В понедельник на маслянице, 20 февраля, после молебна патриарх с духовенством, боярами и всенародным множеством отправились в Новодевичий монастырь, где

Борис жил вместе с сестрою; со слезами били челом, много молили и получили отказ; Годунов отвечал: "Как прежде я говорил, так и теперь говорю: не думайте, чтоб я помыслил на превысочайшую царскую степень такого великого и праведного царя". Православное христианство было в недоумении, в скорби mnogой, в плаче неутешном. Опять святейший патриарх созывает к себе всех православных христиан и советует устроить на другой день, во вторник, празднество пречистой богородице в Успенском соборе, также по всем церквам и монастырям, после чего с иконами и крестами идти в Новодевичий монастырь, пусть идут все с женами и грудными младенцами бить челом государыне Александре Федоровне и брату ее, Борису Федоровичу, чтоб показали милость. Тут же патриарх с духовенством приговорили тайно: если царица Александра Федоровна брата своего благословит и государь Борис Федорович будет царем, то простить его и разрешить в том, что он под клятвою и слезами говорило нежелании своем быть государем; если же опять царица и Борис Федорович откажут, то отлучить Бориса Федоровича от церкви и самим снять с себя святительские саны, сложить панагии, одеться в простые монашеские рясы и запретить службу по всем церквам.

21 февраля, во вторник, двинулся крестный ход в Новодевичий монастырь; к нему навстречу при звоне колоколов вынесли из монастыря икону смоленской богородицы, за иконою вышел Годунов. Подошел к иконе владимирской богородицы, он громко возопил со слезами: "О милосердая царица! Зачем такой подвиг сотворила, чудотворный свой образ воздвигла с честными крестами и со множеством иных образов? Пречистая богородица, помолись о мне и помилуй меня!" Долго лежал он пред образом и омочал землю слезами, потом приложился к другим иконам, подошел к патриарху и сказал ему: "Святейший отец и государь мой Иов патриарх! Зачем ты чудотворные иконы и честные кресты воздвигнул и такой многотрудный подвиг сотворил?" Патриарх отвечал ему, обливаясь слезами: "Не я этот подвиг сотворил, то пречистая богородица с своим предвечным младенцем и великими чудотворцами возлюбила тебя, изволила прийти и святую волю сына своего на тебе исполнить. Устыдись пришествия ее, повинись воле божией и послушанием не наведи на себя праведного гнева господня". Годунов отвечал одними слезами. После этого Иов пошел в церковь, Годунов к сестре в келью, а бояре и весь народ вошли на монастырь, которые же не поместились на монастыре, те все стояли около ограды. После обедни патриарх со всем духовенством, в священных одеждах, с крестом и образами, пошли в келью к царице и били ей челом со слезами долго, стоя на коленах; с ними пошли бояре и все думные люди, а дворяне, приказные люди, гости и весь народ, стоя у кельи по всему монастырю и около монастыря, упали на землю и долго с плачем и рыданием вопили: "Благочестивая царица! Помилосердуй о нас, пощади, благослови и дай нам на царство брата своего Бориса Федоровича!" Царица долго была в недоумении, наконец заплакала и сказала: "Ради бога, пречистой богородицы и великих чудотворцев, ради воздвижения чудотворных образов, ради вашего подвига, многого вопля, рыдательного гласа и неутешного стенания даю вам своего единокровного брата, да будет вам государем царем". Годунов с тяжелым вздохом и со слезами сказал: "Это ли угодно твоему человеколюбию, владыко! И тебе, моей великой государыне, что такое великое бремя на меня возложила и предашь меня на такой превысочайший царский престол, о котором и на разуме у меня не было? Бог свидетель и ты, великая государыня, что в мыслях

у меня того никогда не было, я всегда при тебе хочу быть и святое, пресветлое, равноангельское лицо твое видеть". Александра отвечала ему: "Против воли божией кто может стоять? И ты бы безо всякого прекословия, повинуюсь воле божией, был всему православному христианству государем". Тогда Годунов сказал: "Буди святая твоя воля, господи". Патриарх и все присутствовавшие пали на землю, воссылая благодарение богу, после чего отправились в церковь, где Иов благословил Бориса на все великие государства Российского царствия.

Так говорится об избрании Годунова в акте официальном, в утвержденной грамоте об этом избрании, составленной уже в августе 1598 года. Но до нас дошли другие известия, другие предания, записанные в памятниках неофициальных. Так, дошло до нас известие о желании бояр, чтобы Годунов целовал крест на ограничивающей его власть грамоте; Борис не хотел этого сделать, не хотел и отказать прямо и потому выжидал, чтобы простой народ принудил бояр выбрать его без договора, - отсюда и происходил его отказ принять престол. Шуйские, видя его упрямство, начали говорить, что неприлично более его упрямить, а надобно приступить к избранию другого. Тогда-то патриарх и решился идти с крестным ходом в Новодевичий монастырь. Есть также известие, что Годунов, желая заставить Романовых забыть права свои на престол, дал старшему из них, Федору Никитичу, страшную клятву, что будет держать его, как брата и помощника, в деле государственного управления. Наконец, о торжественном молении, плаче и вопле народном в Новодевичьем монастыре сохранилось такое предание: "Народ неволею был пригнан приставами, нехотящих идти велено было и бить и заповедь положена: если кто не придет, на том по два рубли править на день. Приставы понуждали людей, чтоб с великим кричанием вопили и слезы точили. Смеху достойно! Как слезам быть, когда сердце дерзновения не имеет? Вместо слез глаза слюнями мочили. Те, которые пошли просить царицу в келью, наказали приставам: когда царица подойдет к окну, то они дадут им знак, и чтобы в ту же минуту весь народ падал на колена; нехотящих били без милости".

26 февраля, в воскресенье на маслянице, Годунов имел торжественный въезд в Москву, в Успенском соборе слушал молебен, после которого принимал поздравление от духовенства, бояр и всего православного христианства. Отслушав обедню в Успенском соборе, Борис пошел в Архангельский, где, припадая к гробу великих князей и царей, говорил со слезами: "Великие государи! Хотя телом от своих великих государств вы и отошли, но духом всегда пребываете неотступно и, предстоя пред богом, молитву творите; помолитесь и обо мне и помогите мне". Из Архангельского собора пошел в Благовещенский, отсюда - в царские палаты, из дворца поехал к сестре в Новодевичий монастырь; отсюда приехал опять в Кремль к патриарху, долго разговаривал с ним наедине, после чего простился с ним и с знатным духовенством на Великий пост и возвратился на житье в Новодевичий монастырь.

Неизвестно, в какое время присягали на верность новому царю, но известна любопытная подкрестная запись. Присягавший по ней, между прочим, клялся: "Мне над государем своим царем и над царицею и над их детьми, в еде, питье и платье, и ни в чем другом лиха никакого не учинить и не испортить, зелья лихого и коренья не давать и не велеть никому давать, и мне такого человека не слушать, зелья лихого и коренья у него не брать; людей своих с ведовством, со всяким лихим зельем и кореньем не посылать, ведунов и ведуней не добывать на

государское лихо. Также государя царя, царицу и детей их на следу никаким ведовским мечтанием не испортить, ведовством по ветру никакого лиха не насы- лать и следу не вынимать никаким образом, никакою хитростию. А как государь царь, царица или дети их куда поедут или пойдут, то мне следу волшебством не вынимать. Кто такое ведовское дело захочет мыслить или делать и я об этом узнаю, то мне про того человека сказать государю своему царю или его боярам, или ближним людям, не утаить мне про то никак, сказать вправду, без всякой хитрости; у кого узнаю или со стороны услышу, что кто-нибудь о таком злом деле думает, то мне этого человека поймать и привести к государю своему царю или к его боярам и ближним людям вправду, без всякой хитрости, не утаить мне этого никаким образом, никакою хитростию, а не смогу я этого человека поймать, то мне про него сказать государю царю или боярам и ближним людям". Нас здесь останавливает не вера в волшебство, которая господствовала в описываемое время; нас останавливает перечисление видов зла которое можно было сделать Борису и его семейству, повторение, распространение одного и того же, что должно приписать не времени уже только, а лицу, приписать мелкодушью Бори- са, его подозрительности, ибо в подкрестных записях преемников его мы этого не видим.

Присягавший должен был клясться также: "Мне, мимо государя своего царя Бориса Федоровича, его царицы, их детей и тех детей, которых им вперед бог даст, царя Симеона Бекбулатова и его детей и никого другого на Московское государство не хотеть, не мыслить, не семьяться, не дружитья, не ссылаться с царем Симеоном, ни грамотами, ни словом не приказывать на всякое лихо; а кто мне станет об этом говорить или кто с кем станет о том думать, чтоб царя Симеона или другого кого на Московское государство посадить, и я об этом узнаю то мне такого человека схватить и привести к государю" и т. д.

9 марта, в четверг на второй неделе поста, патриарх созвал знатное духовен- ство, бояр, дворян и весь царский синклит и говорил им: "Уже время молить нам бога, чтоб благочестивого великого государя царя нашего Бориса Федоровича сподобил облечься в порфиру царскую, да установить бы нам светлое праздни- ство преславному чуду богородицы в тот день, когда бог показал на нас неизре- ченное свое милосердие, даровал нам благочестивого государя Бориса Федоро- вича, учредить крестный ход в Новодевичий монастырь каждый год непременно". Все, слыша такой премудрый глагол святейшего Иова патриарха, отвечали со слезами, обещали молиться богу беспрестанно, день и ночь. Разосланы были по областям грамоты с приказанием петь молебны по три дня со звоном.

Проведши Великий пост и Пасху в монастыре с сестрою, Борис 30 апреля, в Мироносицкое воскресенье, торжественно переехал на житье во дворец кремлевский. Опять был он встречен крестным ходом, в Успенском соборе пат- риарх надел на него крест Петра митрополита; опять Борис обошел соборы, ведя за руки детей, сына Федора и дочь Ксению; был большой обед для всех. Но царское венчание не могло скоро последовать: еще 1 апреля пришла весть, что крымский хан Казы-Гирей собирается на Москву со всею ордою и с полками турецкими. Весть пришла рано, и потому через месяц на берегах Оки могла собраться огромная рать: говорят, число ее простиралось до 500000 человек. 2 мая сам царь выехал из Москвы с двором своим, в числе которого находилось пять служилых царевичей. Борис остановился в Серпухове и отсюда распоря-

жался устройством рати. Но среди этих распоряжений новый царь занимался и тем, чтоб щедростию и угощениями привязать к себе служилых людей; пишут, что почти ежедневно бывали у него обеды на 70000 человек: "И подавал, - говорит летописец, - ратным людям и всяким в Серпухове жалованье и милость великую". Цель, по-видимому была достигнута: "Они все, видя от него милость, обрадовались, чаяли и вперед себе от него такого же жалованья". Итак, вот на чем основался союз Годунова с служилыми людьми: они чаяли вперед себе от него большого жалованья!

Слух о походе ханском оказался ложным: вместо грозной рати явились мирные послы. Годунов воспользовался случаем, чтобы произвести на татар самое сильное впечатление: послов поставили верстах в семи от стана царского, расположенного на лугах на берегу Оки, ночью велено было ратным людям стрелять по всем станам. 29 июня послы представлялись Борису; когда они ехали к нему, то на протяжении семи верст от их стана до царского по обе стороны дороги стояли пешие ратники с пищальями и разезжали повсюду конные. Послы, видя огромное войско и беспрестанную стрельбу, так перепугались, что, пришедши к царю, едва могли справиться посольство от страха. Царь пожаловал их великим жалованьем, отпустил с большою честью и послал с ними богатые дары к хану. В тот же день царь угостил все войско и отправился в Москву.

Сюда он въехал с большим торжеством, как будто одержал знаменитую победу или завоевал целое царство иноплеменное: патриарх с духовенством и множеством народа вышли к нему навстречу; Иов благодарил за совершение великого подвига, за освобождение христиан от кровопролития и плена: "Радуясь и веселися, говорил он Борису, - богом избранный и богом возлюбленный, и богом почтенный, благочестивый и христоробивый, пастырь добрый, приводящий стадо свое именованное к начальнику Христу богу нашему!" По окончании речи патриарх, духовенство и весь народ пали на землю, плакали и потом, встав, приветствовали Бориса "на его государеве вотчине и на царском престоле и на всех государствах Российской земли".

Столько слез было пролито при челобитьях и встречах! Кажется, можно было бы увериться в преданности народа к доброму пастырю, но, видно, царь и патриарх были еще далеки от этой уверенности. 1 августа Иов созвал всех бояр, дворян, приказных, служилых людей и гостей и начал им говорить: "Мы били челом соборно и молили со слезами много дней государыню царицу Александру Федоровну и государя царя Бориса Федоровича, который нас пожаловал, сел на государстве, так я вас, бояр и весь царский синклит, дворян, приказных людей и гостей, и все христоробивое воинство благословляю на то, что вам великому государю Борису Федоровичу, его благоверной царице и благородным чадам служить верою и правдою, зла на них не думать и не изменять ни в чем, как вы им государям души свои дали у чудотворного образа богородицы и у целбоносных гробов великих чудотворцев". Бояре и все православные христиане отвечали: "Мы целовали крест Годунов был избран голосом всей земли; народ, стоя на коленах, с воплем и слезами умолял его умилосердиться, принять престол; какого права нужно было после того человеку, хотя бы он был самого низкого происхождения? Какого соперника мог бояться он, хотя бы этот соперник и был самого знатного происхождения? Не было ли признаком крайнего мелководия тяготиться своим относительно незнатным происхождением, подозревать, что для